

Лана Нежная
18+

A romantic couple embracing. The man, with dark hair and a beard, wears a white shirt and has his arms around the woman. The woman, with long brown hair, wears a red dress and looks directly at the camera. The background is a warm, blurred indoor setting.

Его неслышная
ПРИНЦЕССА

Лана Нежная

Его несносная принцесса

<https://litres.ru/74503209>

ISBN 9785007125987

Аннотация

Два года назад Тимур разбил её сердце. Ксюша поклялась его ненавидеть. Но судьба — жестокая шутница: теперь он возвращается и поселяется в её доме. Под одной крышей. В соседней комнате.

Она не простит. Не поддастся. Будет делать всё, чтобы он ушёл. Даже если для этого придётся притвориться, что у неё есть другой.

Но что делать, если каждое его прикосновение зажигает огонь? И что, если он не собирается уходить снова?

Игра на грани. Любовь на грани. И тонкая грань между ненавистью и страстью.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Его несносная принцесса

Лана Нежная

Дизайнер обложки Светлана Александровна Шевченко

© Лана Нежная, 2026

© Светлана Александровна Шевченко, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0071-2598-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ксюша

Ничего не предвещало беды. Абсолютно. День был идеальным. Я съездила в универ на консультацию с дипломным руководителем, выслушала очередную порцию занудства про «уникальность методологии», потом заехала в салон на маникюр. Мастер долго и нудно подбирала оттенок нюда, потом была тренировка по пилатесу — мышцы приятно ныли, тело чувствовало лёгкость и контроль.

Вернулась домой. До ужина оставалось ещё около часа. Папа ещё не вернулся из офиса, в доме должна быть только мама.

Но, сворачивая на нашу улицу, я сбавила скорость. Возле двора, на гостевой парковке, стояла чужая машина. Чёрный, здоровый, матовый BMW X6. Он выглядел как хищник, случайно забредший в мирный район. Тонировка в ноль, агрессивная решётка радиатора.

Я нахмурилась, паркуя свой белый кроссовер. Интересно, кто это к нам прикатил? Брат съехал из родительского гнезда. Обычно его друзья на таких brutальных тачках разъезжались. Но сейчас тут только родители и я. И кто это мог быть?

Захожу в дом. Снимаю куртку, вдыхаю привычный, родной воздух.

— О, а вот и Ксюня вернулась! — доносится мамин голос из глубины дома. В её интонациях читается какое-то неестественное, заговорщическое оживление. — Дочь, ты не представляешь, кто у нас!

Конечно, не представляю, — хмыкаю я про себя, скидывая ботинки и чувствуя, как холодок предчувствия скользит по лопаткам.

Прохожу по коридору, направляясь на голос. Кухня-гостиная залита мягким светом. За островком, обхватив ладонями чашку чая, сидит он.

Тимур.

Мамин любимый крестник. Лучший друг моего старшего брата. Моя первая, самая болезненная любовь. И мурак, которого я искренне, всеми фибрами души ненавижу.

Сердце предательски пропускает удар, проваливается куда-то в район желудка, а потом начинает колотиться о рёбра так, что кажется, это слышно во всём доме. Ладони мгновенно становятся влажными.

Он поднимает голову. Тёмные, тяжёлые глаза смотрят прямо в душу, не оставляя места для манёвра. Он выглядит старше, чем в нашу последнюю встречу. Жёстче. Опаснее.

— Привет, принцесса, — его голос. Низкий, с лёгкой хрипотцой. Тот самый голос, который снился мне ночами.

Он встаёт, отставляя чашку, и делает шаг в мою сторону. У меня внутри всё сжимается в тугий узел.

— Привет, Тимур, — выдавливаю я. И делаю пару шагов

назад, словно он — источник радиации. Поворачиваюсь к маме, которая сияет от счастья: — Мам, я заехала переодеться, мне бежать пора, меня ждут.

Придумываю на ходу, чувствуя, как горят щёки. Разворачиваюсь и почти бегу на второй этаж, цепляясь рукой за перила.

— Ксюш... куда? Кто тебя ждёт? — растерянно спрашивает мама мне в спину.

— Парень, мам! У меня свидание! — кричу я. Залетаю в свою комнату, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, жадно глотая воздух. Руки трясутся. Только не паникуй. Только не показывай, что тебе есть до него дело.

Иду в гардеробную. Скидываю джинсы и свитер, швыряю их на пуф. С горем пополам, кусая губу от злости на себя, натягиваю тонкие чёрные колготки. Выбираю красное короткое платье на запах. Оно открывает ключицы, облегает фигуру, подчёркивая то, что я старательно скрывала под оверсайзом. Это не просто платье, это броня. Это мой «да пошёл ты».

Поправляю волосы, чтобы они красиво падали на плечи. Наношу немного блеска, делаю пару пшиков своих любимых духов — лёгкий, но шлейфовый аромат. Должно выглядеть так, будто мне есть для кого стараться.

Бегом спускаюсь вниз.

Мама с Тимуром уже сидят в гостиной. Они смотрят на меня. У мамы в глазах лёгкое неодобрение и шок, а вот у

Тимура...

Его взгляд цепкий, тяжёлый и... злой. Челюсть напряжена, глаза темнеют. Он смотрит на моё платье, на вырез, на голые ноги. В этом взгляде читается злость.

«А не пошёл бы ты...» — мысленно огрызаюсь я, чувствуя, как внутри нарастает ответная реакция. Мудак.

— Ксюш... — начинает мама, поднимаясь с дивана. — Ты уверена? Может, останешься сегодня дома...

— Мамуль, буду поздно, — перебиваю я. На Тимура даже не смотрю. Делаю вид, что его не существует, что он — пустое место. — Не жди.

Обуваю высокие сапоги на устойчивом каблуке, на ходу накидываю куртку, даже не застёгивая молнию, и вылетаю на улицу. Холодный воздух бьёт в лицо. Сажусь в машину. Руки трясутся так, что я не попадаю по кнопкам. Завожу двигатель, жму кнопку открытия ворот на пульте. В зеркало заднего вида вижу, как на крыльцо выходит Тимур. Высокий, тёмный. Он стоит и смотрит мне вслед.

Ворота открываются, я выезжаю и жму на газ. Еду куда глаза глядят. Лишь бы подальше от него. Не хочу его ни видеть, ни слышать. Не могу. Просто не могу. Меня трясёт.

Проехав несколько кварталов, я торможу у знакомой кофейни. Захожу, беру большой латте на миндальном молоке и эклер с манго-маракуйей.

Сажусь в машине на парковке, смотрю в лобовое стекло, за которым медленно начинает моросить дождь. Жую. Вкуса не

чувствую, хотя обожаю этот эклер. Люблю маракуйю, её кислинку. Запиваю горячим кофе, обжигая язык.

И воспоминания накатывают волнами, накрывая с головой, не давая вдохнуть.

У нас с Киrom разница в десять лет. Брату сейчас 32, мне 22. Тимур старше его на год, ему 33.

С самого детства он был мне как второй брат. Наши мамы — лучшие подруги ещё со школьной скамьи. Родители всегда дружили семьями, ездили вместе на отдых, праздновали Новый год. Тимур часто оставался у нас на выходные, иногда даже на каникулы, когда его родители уезжали в командировки. Мама в нём души не чает, он ей как второй сын. С братом у них всегда были общие интересы: то велики, то спорт, то чёртовы мотоциклы, от которых у мамы дёргался глаз. А я всегда крутилась под ногами. Маленькая, смешная, вечно с разбитыми коленками.

«Принцесса...»

Он всегда меня так называл, сколько себя помню. Не знаю почему. Никто больше так не называл. Только он. Его тёплая ладонь на моей макушке, его смех.

Но в переходном возрасте я отчётливо поняла, что он мне не брат. И что он мне нравится. Как парень. Но разница в возрасте тогда казалась колоссальной, непреодолимой пропастью. Я для него была угловатым ребёнком, а он уже заканчивал универ, ездил на первой машине, работал в компании отца и встречался с роскошными девушками. И он был

бабник. Отпетый.

Сколько я проплакала из-за его девушек в подушку, когда они приезжали к нам вместе. Даже вспоминать страшно. Я всегда сравнивала себя с ними и всегда проигрывала.

«Привет, принцесса. Как дела, принцесса? Никто не обижает, принцесса?» — часто спрашивал он. «Если будут обижать, ты только скажи, я разберусь». Всегда добавлял, подмигивая. И обнимал, целуя в макушку. Он продолжал общаться со мной, как с младшей сестрёнкой. И это бесило до дрожи.

Но время шло, я тоже выросла. Становилась более женственной. В 15 лет уже была вполне себе оформившейся девушкой, на которую оборачивались парни. Но он... он продолжал смотреть на меня сквозь годы своего «братского» покровительства. К тому же виделись мы очень редко.

В 18 лет я решила ему признаться. Родители устроили мне праздник в лучшем ресторане города. Я так ждала его. Красивая, в вечернем платье, на шпильках, с идеальной укладкой и макияжем. Всё по высшему разряду. Я сама от себя была в восторге, глядя в зеркало.

— Ксюнь, какая ты у нас красотка, — восхищался Кир, обнимая меня за плечи. — Разобьёшь кучу мужских сердец, сестрёнка.

А мне много не нужно. Мне бы всего одно. Тимура. И не разбить. А беречь. Заботиться. Любить.

А Тимур опоздал. Сильно. И появился уже выпивший, с

очередной своей... девушкой.

Блондинка. С силиконовыми сиськами на выкат, накачанными губами и нарощёнными ресницами, которые трепыхались, как апохала. Из тех, про которых пишут в мемах: «Хлопай ресницами и взлетай».

И я опять сравнивала нас. Но теперь выигрывала явно я. Потому что эта его пассия была похожа на шлюху. Это не просто заметили все, это даже Кир ему озвучил вслух, когда они вышли на балкон покурить. А я услышала случайно, проходя мимо.

— Тим, ты не обижайся, но где ты её нашёл? На панели?
— тихо спросил брат.

— Где нашёл, там уже нет, не завидуй, друг, — усмехнулся Тимур в ответ. Но в голосе не было веселья.

Она правда была похожа на девушку лёгкого поведения. Вела себя вульгарно, громко смеялась, курила, ругалась матом и липла к Тимуру у всех на виду. То в шею поцелует, оставляя красный след помады, то рубашку начнёт расстёгивать... Это было отвратительно.

А я смотрела на всё это, и меня тошнило. В прямом смысле этого слова. Подступала желчь. Я же его знаю. Он не такой. Он хороший, добрый, чуткий. Он любящий сын. Преданный друг. Он помогает приютам для животных. Не только деньгами. Лично ездит, убирает, выгуливает, кормит, лечит. Он отзывчивый, щедрый, умный. Что с ним не так? Почему сейчас с ним рядом это вульгарное недоразумение? Ес-

ли бы это была нормальная девушка, красивая, умная, порядочная, я бы тоже расстроилась, тоже ревновала. Но не так... Это было как плевок в душу.

Он поздравил меня в тот вечер очень сухо. Подарил огромный букет из белых роз. Обнял, поцеловал в щёку. — С днём рождения, принцесса. Это было всё, что он сказал. Всё. Белые розы. Как на похороны моих иллюзий. Они быстро поужинали и уехали. Она буквально висела на нём и громко смеялась.

Я тогда прорыдала всю ночь напролёт, уткнувшись в подушку, чтобы родители не слышали. И думала, что на этом всё. Что я перегорю и отпущу.

Но это было не всё.

Мы не виделись больше двух лет. Он уехал, закрутился, строил карьеру. Но на юбилей брата, на его 30 лет, Тимур приехал. Отмечали дома, на природе. Кир у нас летний человек: шашлык, пиво, коктейли, басик, музыка, его друзья. Было очень жарко, весело, шумно.

Тимур приехал один. Я даже удивилась, увидев его из бассейна. Его отец открыл филиал в другом городе, и Тимур возглавил его, переехав на ПМЖ больше года назад. Я плавала на надувном круге в виде фламинго, а парни, включая Кира, пытались меня потопить, смеясь и брызгаясь.

— Принцессу мою не трогать! — его голос прорезал шум музыки и плеск воды. Он стоял на краю бассейна, скидывая рубашку. От меня моментально отстали. Сам подсел ко мне

позже. Слово за слово, разговорились. Оказалось, мы оба соскучились. В итоге проболтали с ним до утра. Обо всём и ни о чём. Все уже разошлись спать, а мы сидели на садовых качелях, укутавшись в плед, пили остывающий чай и болтали. Смотрели на звёзды.

И я ему призналась. Что была влюблена. Что в 18 лет мне было очень больно. Просто как факт. Было и прошло. А он посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание. Взял за подбородок... и поцеловал.

И это было так... Поцелуи у меня уже были. Обычные парни, обычные эмоции. Но не такие. Головокружительные, требовательные, горячие. Он целовал так, словно хотел забрать себе моё дыхание. Я тогда поняла, что ни фига не прошло. Что моя любовь к нему никуда не делась, она просто спала, ожидая его прикосновения. И мы переспали. Прямо в моей комнате, на моей кровати. Он стал моим первым мужчиной. Мне было больно, но он был так нежен, так терпелив. Я была так счастлива, засыпая в его объятиях, вдыхая его запах. Он шептал мне в темноте, что любит, что никогда не отпустит, что я только его, что он никогда больше не сделает мне больно. Обнимал, целовал, прижимал к себе так сильно, что хотелось остаться в этом навсегда. И я верила. Каждому его слову. Дура наивная.

А утром его уже не было. Ни в кровати. Ни дома. Ни даже в городе. Только смятые простыни и запах его парфюма на подушке.

Оказалось, ему срочно пришлось уехать. Потому что его беременная невеста, о существовании которой я даже не подозревала, попала в больницу с угрозой выкидыша. И он бросил всё, бросил меня. И уехал. Обманщик.

Это была точка. Большая, жирная, чёрная. И я больше не плакала из-за него. Ни разу. Слез просто не осталось.

Тимура я везде заблокировала в ту же минуту. В соцсетях, в мессенджерах, в телефоне. Он пытался звонить с других номеров, писать, хотел что-то объяснить. Ну-ну. Лучше невесте своей пусть объясняет. Что он ей изменил, пока она вынашивает их общего ребёнка. Что он шептал «люблю» другой, а потом сбежал.

С тех пор меня словно отрубило. Правда. Обманщик, бабник, изменщик. Это просто бинго по ред-флагам. Такого нужно просто избегать. Обходить десятой дорогой. Сжигать мосты и посыпать голову пеплом. К нему остались только негативные чувства. Злость, ненависть и презрение.

А ещё я не понимала. Искренне, до сих пор не понимала. Почему он со мной так поступил? Я же ему не какая-то посторонняя девка с улицы, с которой можно просто переспать и забыть. Мы почти как семья. Он знал меня всю мою жизнь. Он знал, как я боюсь грозы, что люблю, что ненавижу, как плачу над фильмами о любви. Знал о моих чувствах...

Я допиваю остывший кофе и выбрасываю недоеденный эсклер в мусорное ведро. Начинка кажется мне приторной и тошнотворной. Ехать домой рано, он мог остаться на ужин.

Поэтому звоню лучшей подруге и напрашиваюсь в гости. Если он думает, что может просто взять и появиться в моём доме, разрушив моё спокойствие одним своим «Привет, принцесса», то он сильно ошибается.

Я больше не та девочка, которая плачет в подушку. И он мне больше не брат. И не любовь. Он — моя ошибка, которую я готова стереть из своей жизни навсегда.

Глава 2

Ксюша

Запах травяного чая и лёгкий аромат ванили из маленького диффузора всегда действуют на меня успокаивающе. Студия Насти крошечная, но она умудрилась сделать её похожей на уютное гнёздышко.

— Держи, травяной. Чтобы нервы успокоить, — она ставит передо мной кружку, плюхается напротив и тут же, без прелюдий, переходит к делу. — Ну, выкладывай. Как думаешь, зачем он припёрся?

Я обхватываю ладонями горячую керамику, пытаюсь согреть ледяные пальцы.

— Может, по делам заехал, маму проведать... — я пожимаю плечами, стараясь звучать безразлично, но голос предательски дрожит. — Не знаю и знать не хочу.

Настя прищуривается, изучающе глядя на меня своими голубыми глазами, в которых пляшут озорные искорки. Мы знаем друг друга ещё с первого курса, но за эти годы она стала мне по-настоящему родной. А после того как её старшая сестра Кира вышла замуж за моего брата Кирилла, наши семьи и вовсе сплелись в тугой узел.

Помню тот юбилей брата два года назад... Жизнь тогда перевернулась у всех. Кира приехала забрать Настю, которая

зажигала по полной и никак не хотела уезжать. Произошло какое-то недоразумение: бассейн, крики, Кирилл, который случайно уронил Киру в воду, и много чего ещё интересного. Но я тогда вообще выпала из реальности. Потому что рядом был Тимур.

— Ксю, ты мне только честно скажи... Что-нибудь почувствовала, когда его увидела?

Я опускаю взгляд в кружку. На поверхности чая плавает крупный листок мяты.

— Злость, — коротко бросаю я.

— Правда? Просто злость?

— Да. Аж руки затряслись, когда я его увидела, — я сжимаю пальцы в кулаки, ногти впиваются в ладони. — Так хотелось схватить со стола какую-нибудь чугунную сковородку, огреть его и вышвырнуть из дома. Сказать, чтобы он больше не приближался даже на пушечный выстрел. Ни ко мне, ни к моей семье. Мудак. Конченный. Ненавижу его, Насть. Каждой клеточкой.

Настя хмыкает.

— Он изменился? Скажи, что он постарел, что у него появилось пивное пузо, а на макушке образовалась лысина...

— Да какой там, — я злобно фыркаю. — Он стал ещё больше. Походу, из зала не выходит вообще или жрёт стероиды. Здоровая перекачанная махина. Тестостероновое чудище. Фу...

— Ммм, обидненько, — протягивает Настя с ноткой зло-

радства. — Хочется, чтобы сдулся, чтобы бабы на него перестали вестись, как на кусок мяса. Чтобы он страдал, козлиная...

— Мне он и худым нравился, — огрызаюсь я, чувствуя, как предательски горячат щёки. — Он же активно качаться начал только после универа. До восемнадцати вообще дрыщом был, как и Кирилл. Милый такой, худой, уши торчали. Фотки этих двух хлюпиков до сих пор у мамы в альбоме пылятся. А потом в него бес вселился, и он превратился в этого... альфа-самца. Кирилл, кстати, вовремя остановился, просто держит себя в форме. А этот... не знаю, для кого он так старается. Для зеркала? Или чтобы кому-то что-то доказать?

Настя серьёзнееет. Она-то знает всё. И про мои дурацкие, разрушительные чувства к нему, которые я ношу в себе годами. И про ту ночь. Про всё.

Я сижу у Насти почти до полуночи. Обсуждаем её сестру Киру, которая еле дохаживает беременность и ругается со всеми подряд. Вспоминаем мою дипломную и новых «ухажёров», которые всегда оказываются какими-то не такими. Говорим про Настину работу — она недавно устроилась на подработку, поэтому видимся мы теперь реже, и каждый такой вечер на вес золота.

— Езжай домой, — Настя провожает меня до двери, обнимая за плечи. — И помни, что ты королева. Не спускай ему ничего.

Домой я еду, мечтая лишь об одном: чтобы этот придурок уже свалил, а родители крепко спали. Но моим мечтам не суждено сбыться.

Его чёрная тонированная тачка стоит там же. Прямо перед нашим домом.

Какого чёрта? Может, он выпил с отцом и решил оставить её? А сам уехал на такси?

Я захожу в дом тихо, как мышка. Внизу — никого. Поднимаюсь на второй этаж. Прислушиваюсь. Тишина.

Толкаю дверь в свою комнату, нащупываю выключатель. Свет заливает пространство, и я столбенею.

Тимур развалился на моей кровати. Он лежит в одних чёрных боксерах, закинув руки за голову. Бицепсы, широкая грудная клетка, рельефный пресс... Он выглядит так, словно это его комната, а я — незваная гостья. Услышав щелчок выключателя, он лениво поворачивает голову.

— Тимур, ты совсем ахуел? — зло цежу я, стараясь, чтобы голос не сорвался на визг.

Он выглядит абсолютно спокойным, даже довольным.

— Тебе не идёт ругаться матом, принцесса. Прекращай.

Это прозвище. Боже, как же я его ненавижу. От него у меня внутри всё сжимается от боли и ярости.

— А мне похуй, — я скрещиваю руки на груди, чтобы скрыть дрожь. — Проваливай из моей комнаты.

— Давай поговорим, принцесса, — его голос низкий, бархатный, обволакивающий. Голос, который когда-то шептал

мне нежности в темноте этой комнаты.

— Нам не о чем разговаривать. Проваливай.

В руке вибрирует телефон. Я разблокирую экран, не сводя с него глаз. Он наблюдает за мной, прищурившись, как пантера, выжидающая момента.

Экран светится: «Настёна: Ксю, ты доехала?»

Я улыбаюсь. Она всегда переживает за меня. Замечаю, что Тимур ловит мою реакцию на сообщение. Сейчас я устрою тебе шоу-программу по заявкам.

Включаю запись голосового, подношу телефон ко рту, стараясь, чтобы голос звучал мурлыкающе-нежно:

— Да, котёнок, я уже дома, не переживай. Завтра увидимся. Сладких снов. Люблю тебя.

Блокирую экран. Тимур смотрит на меня, и его усмешка медленно сползает с лица, сменяясь тяжёлым, непроницаемым взглядом.

— Ксюнь... — начинает он, и в голосе прорезаются те самые интонации, от которых у меня когда-то подкашивались ноги.

— Тимур, выйди, — говорю я ледяным тоном, глядя прямо в его тёмные глаза. — Или я буду кричать. Подниму родителей. Ты хочешь скандал? Я могу устроить. Мне нечего терять. Я не хочу тебя видеть и слышать. Я тебя не простила и не прощу. Никогда. У меня серьёзные отношения. Я его люблю. Слышишь? Люблю. Не мешай мне нормально жить. Всё. Уходи.

Он проводит ладонью по лицу, взъерошивает короткие волосы. Встаёт. Он огромный. Он заполняет собой всю комнату, всё пространство, весь кислород. Но в его движениях столько животной, раздражающей грации, что мне хочется швырнуть в него тем, что первым попадётся под руку.

— Пять минут, принцесса. Дай мне пять минут. Просто выслушай.

— Нет, — я разворачиваюсь и иду к двери в ванную. — Если ты не уберёшься, когда я выйду, я буду орать так, что не только родителей разбужу, но и всех соседей. Я тебе клянусь.

Ухожу, плотно закрываю дверь, щёлкаю замком. Включаю воду на полную мощность, чтобы шум заглушил возможные звуки. Сажусь на край ванны, прижимая руки к вискам. Сердце колотится где-то в горле.

Телефон снова вибрирует. Настя.

«Я так понимаю, этот мудака никуда не делся?»

Пальцы летают по экрану.

«Нет. Более того, я нашла его в своей кровати. В одних трусах».

Секунда — и летит ответ.

«Он чё, совсем охренел? Или пьяный? Думает, раз с тобой переспал, можно повторить? Я сейчас приеду, придушу его своими руками!»

«Я его выгнала. Но это вообще ненормальная ситуация», — отвечаю я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

«Может, Киру рассказать? Пусть он его выпрет, а?»

«Нет», — быстро печатаю я. «Они друзья, это их отношения. Не хочу портить».

«Ну и дура, Ксю. Я бы рассказала. Ещё тогда, два года назад. Он тебя невинности лишил и сбежал. Его убить за такое мало».

Мало...

Я смотрю на своё отражение в зеркале. Бледное лицо, испуганные глаза. Два года назад я была влюблённой дуручкой, которая думала, что он — моя судьба. Сейчас всё не так.

Вдыхаю полной грудью. Умываюсь ледяной водой, переодеваюсь в пижаму.

Открываю дверь ванной буквально на сантиметр, выглядываю. Свет горит. В комнате пусто.

Выскакиваю, подбегаю к входной двери своей комнаты и с щелчком закрываю её на внутренний замок.

Супер. Я теперь в своём же доме боюсь спать в своей же комнате. Ахренеть не встать.

Засыпаю плохо, ворочаясь до самого рассвета. Каждая тень в комнате мне кажется его силуэтом. Просыпаюсь поздно, с тяжёлой головой.

На кухне только мама. Она стоит у плиты, пахнет жареными сырниками и кофе. Уютно. Нормально. Так, как должно быть в доме, где нет места мудакам.

Я делаю себе чай, мама садится напротив, с любовью глядя на меня.

— Ксюнь, дочь, как дела? Как ты вчера погуляла? Поздно

пришла?

— Всё хорошо, мам, — я стараюсь улыбаться, но голос звучит хрипло.

Мама хмурится, наливая себе кофе.

— У вас с Тимуром что-то произошло? Почему ты так холодно с ним себя вчера вела?

Я стискиваю зубы.

— Мам, это между нами. Мы сами разберёмся. Уже не дети, — я делаю глоток обжигающего чая, чтобы скрыть дрожь. — Почему его машина была ночью у нас? — спрашиваю я тоном, будто не знаю, что он ночевал тут.

— А это... — мама вздыхает, и её лицо становится грустным. — Я же говорила, что у Саши обнаружили опухоль. Злокачественную. Они с Наташей уже улетели в Израиль на лечение. Тимур остаётся за главного. Он пока поживёт у нас.

Я давлюсь чаем. Жидкость предательски бьёт в нос, я начинаю кашлять, хватая ртом воздух.

— Где?! Почему у нас, мам?!

— Они свой дом продали, Ксюнь. Срочно были нужны деньги на клинику.

— Так пусть снимет квартиру! Не обеднеет!

— Зачем, если у нас комната Кирилла пустует? — мама смотрит на меня так, будто я сказала какую-то дикость. — Ему и так сейчас тяжело будет одному всё тащить. Столько ответственности. Я хоть так смогу помочь. Покормить, постирать, погладить. Это же Тимур.

Боже... В этом вся мама. Всех приютить, обогреть, накормить, спасти мир.

— То есть... он будет жить с нами? — мой голос звучит глухо.

— Да. Поэтому вы свои проблемы уладьте, хорошо? — она тянется через стол и кладёт ладонь на мою руку. — Он же тебе как брат. Чего вы не поделили-то? Что за обиды?

Брат.

Это слово отдаётся тошнотой в желудке. Знала бы ты, мама, что он со мной сделал... Это было совсем не по-братски. Это было предательство, которое выжгло меня изнутри.

— Хорошо, мам. Мы разберёмся, — обещаю я, глядя в стол.

Да уж... Такой подставы я не ожидала. У меня нет путей к отступлению. Я не могу съехать, не могу выгнать его. Он загнал меня в угол, даже не подозревая об этом. Или подозревая?

Я сжимаю кулаки под столом. Страх медленно, но верно начинает сменяться холодной, расчётливой злостью.

Кажется, мне срочно нужен фиктивный любимый парень. Чтобы Тимур отстал. И я даже знаю, кто мне поможет.

Долг, как говорят, платежом красен.

И, кажется, Егору пора отдавать долги.

Глава 3

Ксюша

После завтрака я практически сбегая к себе в комнату, закрывая за собой дверь.

Тишина. Хорошо. Пар нет. Дел тоже.

Я плюхаюсь на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Может, мне тоже на подработку устроиться, как Настя? А то сижу на содержании, да ещё и нервы себе мотаю. Но тут же в голове щёлкает. Есть занятие поинтереснее.

Схватив телефон, я набираю Егора.

Мы с ним в своё время полгода играли в «Ромео и Джульетту»: я изображала его девушку, чтобы вызвать ревность у его настоящей любви — Марины. Ох и намучились мы тогда, отыгрывая сцены в универе, в ресторанах и в машинах. Но сейчас они вместе, она в курсе всех наших «ролевых игр» и на меня не обижается.

— Егор, друг мой любимый, пришёл час расплаты, — начинаю я без прелюдий, как только он берёт трубку.

— Боже, Ксю, что у тебя стряслось? — он моментально напрягается.

— Мне нужен фиктивный парень. Срочно. Сегодня.

Слышу, как он тяжело выдыхает в трубку:

— Блин, Ксюш... меня Марина убьёт. Медленно и мучи-

тельно. Она до сих пор вспоминает, как ты в прошлом году мне помадой лобовуху в тачке исписала.

— Егор, мне плевать, я тебе помогала. Давай, включай мозги, придумай что-нибудь. Мне нужен кто-то убедительный.

На фоне слышу приглушённый женский голос и шёпот Егора: «Да нет, Мась, это Ксюша, ей помощь нужна...»

Затем они что-то обсуждают, и он возвращается к трубке:

— Будет тебе парень. Но только не я.

— Егор, мне не принципиально, честно. Он нормальный хоть? Адекватный?

— Обижаешь, Ксю. Ник у нас просто отличный. Харизматичный, красивый и, главное, сексуальный. Но смотри, предупреждаю: не влюбись только. Он не для серьёзных отношений.

— Супер. Мне такой и нужен.

— А задача у нас какая? Заставить ревновать или чего?

Я кусаю ноготь, глядя в окно.

— Просто отвадить одного очень самоуверенного придурка, — говорю тихо, но с ядом. — Показать, что я занята, счастлива, любима и вообще нахожусь в статусе «не трогать». Он должен поверить, что у меня всё серьёзно. Что у меня есть он.

— Окей, сделаем в лучшем виде. Я скину ему твой номер, спишитесь там сами по времени и деталям?

— Да. Спасибо, Егор. Ты настоящий друг. Марине приве-

тик.

Через час мне перезванивают. Никита. Голос приятный, без лишних вопросов. Договорились, что он заедет за мной часов в восемь вечера. Ровно в то время, когда Тимур гарантированно будет дома после работы. Идеально.

Настроение взлетает до небес. Я хожу по комнате, пританцовывая под играющий в наушниках трек, и напеваю себе под нос.

— Влюбилась? — раздаётся голос мамы из двери. Она стоит, опершись на косяк, и улыбается так тепло, что у меня внутри колышет чувство вины.

— Кажется, да, — я снимаю наушники, пытаюсь изобразить смущение.

— Покажешь?

— Ммм... давай завтра. Сегодня у нас ещё свидание. После него точно скажу и покажу.

— Хороший?

— Очень, мамуль.

— Главное, чтобы тебе нравился. Чтобы глаза горели.

Вечером мы накрываем ужин на четверых. Мама приготовила запечённую рыбу, папа уже разливает вино. И ровно в семь ноль-ноль в прихожей раздаются тяжёлые, уверенные шаги. Этот придурок, Тимур, возвращается чётко ко времени. Как папа. Потому что мама терпеть не может, когда еда стынет, а она ждёт.

Он входит в столовую, сбрасывая пиджак на спинку стула.

Белая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Садится напротив меня.

Папа и Тимур сразу же уходят в свои мужские разговоры про логистику, какие-то тендеры и задержки на таможне. Я механически киваю, перебираю вилкой салат, не вникая ни в слово. Но кожей чувствую его взгляд. Периодически ловлю его. Тяжёлый, изучающий, скользящий по моему лицу, шее, ключицам.

— Доча, а ты чего такая красивая сегодня? — спрашивает папа, заметив мой боевой раскрас. Я сделала акцент на глаза: мягкая растушёвка, стрелки, немного сияшек.

— Коль, у неё свидание! — не выдерживает мама, сияя от счастья. — Кажется, наша дочь наконец влюбилась по-настоящему! Ходит весь день, светится, как лампочка на ёлке. И улыбается...

Она улыбается мне. Так искренне и нежно, что мне становится до тошноты неудобно за своё враньё. Я опускаю ресницы, пряча глаза, и лишь пожимаю плечами, изображая скромность.

— Влюбилась — это хорошо, — голос папы становится чуть строже, по-отцовски заботливо-предупреждающим. — Но только сильно там не торопись, хорошо?

— Папуль, а с чем не торопиться? — я поднимаю на него невинный взгляд, хотя прекрасно знаю, о чём он.

— Ну это... — папа мнётся, подбирая слова.

— В постель к первому встречному не прыгай, — глухо,

с расстановкой произносит Тимур.

Воздух в столовой словно сгущается.

Ах, вот как...

У меня внутри всё переворачивается от наглости. То есть с ним переспать вот так, на грани абсурда, в первый же вечер... вернее, в первое же утро... было норм? А так нельзя? Лицемер хренов.

Я медленно кладу вилку, выпрямляю спину и смотрю прямо на него.

— Какой ты грубый, Тимур, — мой голос звучит тихо, но в тишине комнаты он прозвенел, как колокольчик. — Думаешь, я на такое способна? Я же принцесса. За мной ухаживать нужно. Цветы, подарки дарить, на свидания водить. Завоевывать. Мне нужен рыцарь. Который будет бороться за меня и не бросит. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Я не отвожу взгляда. Смотрю в его тёмные, ставшие вдруг бездонными глаза и вкладываю в эти слова каждый грамм своей обиды, злости, которые он во мне разбудил.

— Другого я рядом с собой не вижу, — добавляю в конце.

Вижу, как темнеет его взгляд, как напрягаются скулы и начинают ходуном ходить желваки. Он сжимает бокал так, что костяшки пальцев белеют.

Не нравится. Рвёт его на части.

А мне очень хочется ещё добавить, хочется крикнуть: «Чего молчишь?! Давай расскажи родителям, какая я на самом деле! Что ты наделал!»

Но вместо этого я мило улыбаюсь маме:

— Мамуль, спасибо, я наелась. Я побегу собираться, за мной Никита уже скоро заедет.

— Беги, Ксюнь, — кивает мама, сияя.

Я встаю, подхожу к папе, обнимаю его за широкие плечи. И говорю тихо, но так, чтобы Тимур, сидящий рядом, обязательно услышал каждое слово:

— Папуль, я не буду спешить, правда. Всё будет только по любви. Взаимной и настоящей.

Ухожу, чувствуя спиной его тяжёлый, почти физически ощутимый взгляд.

Наверху я уже приготовила наряд. Опять платье. Опять красное. Но сегодня оно другое — длиннее, с закрытым горлом. Оно облегает каждый изгиб и почти не оставляет простора для фантазии.

Наношу тинт для губ, брызгаю на запястья любимые духи. Дзынь. Сообщение.

«Ксюша, я приехал. Выйди на минутку. У меня сюрприз».

Спускаюсь, накидываю сверху дутое старое пальто, ноги сую в смешные мамины овчинные тапки, открываю тяжёлую входную дверь. Холодный вечерний воздух бьёт в лицо, заставляя вдохнуть полной грудью.

За воротами припаркована чёрная спортивная тачка. Хрен его знает какая, в новых марках не шарю, но низкая, хищная, с тонировкой и эффектным гулом мотора на холостых.

А на капоте, скрестив руки на груди, сидит мой фиктивный и, надо признать, не менее эффектный парень. Никита. На коленях у него лежит невероятно красивый, огромный букет алых роз.

Я замираю в калитке. Зависаю.

Боже. Он... он похож. Чёртовски похож на Тимура. На Тимура лет в двадцать пять, до того как жизнь и бизнес сделали его лицо таким жёстким и непробиваемым. Те же тёмные, чуть прищуренные глаза, та же хищная, расслабленная улыбка, та же широкая спина под чёрной кожаной курткой. Егор, ты где его взял?! Это же издевательство какое-то!

— Ну, привет, — Никита отталкивается от капота. Берёт цветы, идёт мне навстречу. Его шаги лёгкие, уверенные.

А я стою как столб. Лупаю глазами, пытаюсь справиться с наваждением.

— Ксюшенька, отомри, там какое-то тело идёт в нашу сторону, — говорит он куда-то мне в шею, легко обнимая за талию и притягивая к себе. Его горячее дыхание обжигает кожу.

— Чёрт, это он, Никита, это он... — шепчу я, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Понял, не дурак. Просто не мешай мне, а лучше помогай.

И он просто берёт и целует меня.

В губы. Жёстко, страстно, невероятно горячо. Это не дежурное «чмок». Это поцелуй собственника. Его рука сколь-

зит по моей спине, пальцы впиваются в ткань пальто, притягивая меня так близко, что между нами не остаётся ни миллиметра.

Я слышу шаги за спиной. Тяжёлые, знакомые до дрожи шаги.

И что-то во мне щёлкает. Я начинаю отвечать. С таким жаром, с такой отчаянной злостью, как будто от этого поцелуя зависит моя жизнь. Цепляюсь руками за его куртку, встаю на цыпочки, впиваюсь пальцами в его волосы и даже, кажется, начинаю тихо постанывать, теряясь в этом чужом запахе.

Рядом раздаётся громкое, демонстративное покашливание.

Никита нехотя тормозит. Медленно отстраняется от меня, но руку с талии не убирает. Смотрит на меня каким-то безумным, тёмным взглядом. Наверное, у меня сейчас глаза такие же. Адреналин бьёт в виски.

Тимур опять прокашливается, на этот раз громче.

— Тимур, — я поворачиваюсь к нему, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тебе леденцы от кашля купить? Горло мучает? Чего ты выперся?

— Нет, — его голос звучит низко, с хрипотцой. — Я просто... с парнем твоим хотел познакомиться.

Никита по-хозяйски, медленно запахивает на мне пальто, защищая от ветра, и снова обнимает, притягивая к своему боку.

— Не замёрзла, коть? — спрашивает он, даже не глядя на

Тимура.

— Нет, мне, наоборот, с тобой жарко, — я перехватываю у него розы, стараясь не смотреть на Тимура. — Спасибо, котёнок, красивые. — И чмокаю Никиту в щёку.

Никита разворачивается к Тимуру. Между ними вырастает невидимая стена напряжения. Два самца на одной территории.

Никита протягивает руку первым:

— Никита. Парень Ксюши.

Тимур секунду смотрит на его руку, прежде чем пожать её. Их ладони сходятся в крепком рукопожатии.

— Тимур.

Они жмут руки. Смотрят друг на друга оценивающе, меряются силой сжатия. Воздух между ними буквально трещит от напряжения. Мне кажется, ещё секунда — и они начнут душить друг друга голыми руками.

— Ксюшенька, — нарушает тишину Никита, не разжимая рук с Тимуром. — А Тимур тебе кто? Брата же Кирилл вроде зовут?

— Тоже брат, — отвечаю я, чувствуя, как краснеют щёки от абсурдности ситуации. — Мамин крёстный сын. Живёт временно с нами.

— Повезло тебе, — Никита наконец разжимает хватку, делая шаг назад и чуть усмехаясь. — Столько старших братьев. В обиду не дадут. Вот и сейчас, походу, вышел проверить, кто тут на его сестрёнку посягает.

— Мгм. Очень повезло, — сухо бросает Тимур.

Я не выдерживаю этого накала. Мне кажется, ещё секунда — и они начнут мериться не взглядами, а чем-то более существенным.

— Тимур, познакомился? — я делаю шаг назад, к калитке. — Пойдём в дом, там мама уже, наверное, чай заварила. Котёнок, — я поворачиваюсь к Никите, — я цветочки поставлю в воду и выйду.

— Не спеши, жду тебя, — он наклоняется и целует меня в макушку. Его губы задерживаются на волосах на долю секунды дольше, чем нужно.

Я разворачиваюсь и иду к дому первой, прижимая розы к груди. Сзади слышу тяжёлые, медленные шаги Тимура. Он молчит.

Ещё бы. Что он может сказать?

Он открывает дверь, пропуская меня внутрь. Я иду на кухню, чтобы найти вазу. Сердце колотится где-то в горле.

Егор не соврал.

Отличный у меня фиктивный парень. И, кажется, эта игра будет забавной.

Глава 4

Ксюша

— Тимур, ну как тебе? — спрашивает его мама, вытирая руки о полотенце и с надеждой глядя на него.

— Мамуль, а чего ты у него спрашиваешь? — я фыркаю, аккуратно подрезая стебли роз под струёй воды. — Он же не девушка. У нас с ним вкусы точно разные. И, судя по последней его пассии, которую я видела на своём восемнадцатилетии, вкус у него с каждым годом всё хуже и хуже. Девушки всё вульгарнее и вульгарнее: силикон, стразы, никакого вкуса. А Никита — обычный парень.

— Ксюнь! — возмущённо фыркает мама, но я вижу, как уголок её губ предательски дёргается. Ей тоже та история запомнилась.

— Чего, мам? Зато правда. Мы тогда все офигели. Просто все промолчали из вежливости. Обсудите Никиту без меня, пожалуйста.

Я поправляю пышные бутоны в хрустальной вазе, ставлю её на журнальный столик в гостиной и ухожу, демонстративно хлопнув дверью.

Никита ждал. Увидев меня, вышел, открыл дверь, придержал её рукой, чтобы я не ударилась. Мелочь. Но приятная.

— Это ты так стараешься или это базовая прошивка? —

пытаюсь пошутить, усаживаясь в кожаное кресло. От машины пахнет кожей, морозом и чем-то древесным.

— Я адаптивный, — поворачивается он, закрывая дверь, обходит машину, садится за руль. Заводит мотор. — Подстраиваюсь под девушку. С тобой хочется быть джентльменом.

— Боже, как приятно, — выдыхаю, чувствуя, как напряжённые за вечер плечи чуть отпускают. — Куда поедем? Голодный? Могу тебя угостить ужином.

— Так, Ксюш, стопэ, — он поворачивается ко мне. — Я не альфонс. Я помогаю на добровольных началах, и расходы на этот спектакль беру на себя. Я не бедствую, если что, могу себе позволить.

— Ну и отлично. Тогда что делаем? Я только поужинала. Твои предложения?

— Поехали в кино?

— А поехали.

Мы болтали всю дорогу. Никита оказался на удивление лёгким в общении: без понтов, без душных лекций и попыток доминировать. Потом мы смотрели тупую комедию, над которой хохотали до слёз. Я ловила себя на том, что мне не нужно притворяться. С ним легко.

Потом — новая японская кафешка: тёплое дерево, приглушённый свет, пар от чашек с матчей, нежные моти в сахаре.

— Никит, а можно мне пару фото сделать? — спраши-

ваю, вынимая телефон. — Я маме обещала. Врать приходится всей семье, раз он у нас поселился.

— Можно, Ксюш, без проблем.

Он притягивает меня за талию, я устраиваюсь ближе. Делаем селфи в обнимку. Потом я ломаю кусочек моти, подношу ему ко рту, он откусывает, губы слегка задевают мои пальцы. Щёлк. На экране — два смеющихся человека. Лица расслабленные, глаза настоящие. Получается правдоподобно. До жути.

— Как так получилось у вас, если не секрет, — он отставляет чашку, голос тише, — что теперь приходится прибегать к таким жёстким мерам?

— А фиг его знает, Никит... — я рисую пальцем узоры на запотевшем столе. — Как-то само получилось. Он... моя первая любовь. И он меня очень обидел. А я даже не знаю, кто я для него. Но нужно, чтобы стала вообще никто. Так будет лучше. Для нас обоих.

Никита смотрит на меня долго, внимательно.

— Кажется, ты ему не безразлична.

— Это только кажется, — горько усмехаюсь я. — Я тоже в какой-то момент так думала. А потом выяснилось, что у него беременная невеста в другом городе...

— Да ну? — он искренне удивляется.

— Мгм.

— И где она сейчас?

— Не знаю. Что-то не срослось у них. С ребёнком тоже

непонятно... вроде не его вовсе... До свадьбы не дошло. Я в подробности не вникала, не хотела знать.

— Ну, значит, отвадим твоего «недобрата», — он подмигивает, возвращаясь к роли идеального кавалера.

Домой Никита меня вернул в полпервого ночи. Дом казался тёмным и спящим. Я тихонько поднялась к себе, щёлкнула замком, сходила в душ и отрубилась, едва коснувшись подушки.

Просыпаюсь от прикосновения.

Тёплое. Лёгкое. Скользит по голени. Приятно. Мозг ещё спит, плывёт в вязкой дымке. Я не понимаю, где я, что происходит. Тело реагирует раньше сознания: выдыхаю, откидываю одеяло, открывая больше пространства для ласки.

Рука скользит выше. К бедру. Подключается вторая. Пальцы сжимают мягко, но уверенно. Потом я чувствую поцелуи на внутренней стороне бедра. Горячие. Влажные. Медленные. Дыхание обжигает.

Я приподнимаюсь на локтях, приоткрываю глаза. В густой темноте силуэт кажется знакомым. Никита? Но его не может тут быть. Это сон?

— Ник? — спрашиваю я хриплым, сонным шёпотом.

Движения останавливаются моментально.

А руки... руки не убираются. Наоборот, они сжимают мои бедра. Жёстко. Почти больно. Эта хватка — властная, тяжёлая, собственническая — мгновенно отрезвляет меня.

Я сразу понимаю, кто это.

Волна злости и адреналина смывает сонливость. Я с размаху пихаю его обеими ногами в грудь. Он отшатывается, почти падает с кровати, успевает упереться рукой о матрас.

— Вон! Убирайся! — выдыхаю; голос срывается на крик, но я глушу его ладонью.

— Ксюнь... — его голос хриплый, низкий, в нём читается что-то болезненное.

— Ты совсем неадекватный, Тимур?! — я говорю громче, дрожа от возмущения. — Ты хочешь маму довести? О ней подумай, если на меня тебе плевать!

Он медленно поднимается. Силуэт в темноте кажется огромным. Смотрит на меня молча. Я не вижу его глаз, но чувствую его тяжёлый, давящий взгляд.

Натягиваю одеяло до самого подбородка, как щит.

— Уходи.

Он стоит ещё секунду. Потом разворачивается и выходит. Дверь тихо щёлкает.

Я сижу в темноте, сердце колотится где-то в горле. Как он дверь-то открыл? Я же замыкалась!

Вскакиваю, бегу к двери, замыкаю замок. Снова. Потом подкатываю под ручку тяжёлое компьютерное кресло. Чтобы бесшумно не смог зайти. Чтобы никто не смог.

Лежу. Глаза открыты. Что это было вообще? Он совсем поехал, что ли? То почти голый в моей кровати ждёт, то приходит ночью и трогает меня, целует... И главное — отказов не понимает. Я же ему чётко, по-русски объясняю! Чего

непонятно-то?!

На следующий день я показываю маме фотографии с Никитой, рассказываю, где мы были, как весело провели время.

Мама листает, внимательно рассматривает, хмыкает:

— Знаешь, Ксюнь... На Тимура он чем-то похож. Тебе не кажется? Скулы, глаза и взгляд...

— Немного, — пожимаю я плечами, убирая телефон. — Но они разные, мам. Никита не Тимур. Никита... другой.

Потом мы вместе занимаемся уборкой. Мама просит меня пропылесосить на втором этаже.

— Пропылесосишь и у Тимура, а я приберусь на первом?

— Конечно, мамуль.

Беру пылесос, иду в его комнату. Открываю дверь. Пахнет им: кедром, дорогим табаком и чем-то ещё, от чего у меня предательски сжимается живот.

Пылесошу, стараясь не смотреть на его кровать. Замечаю на столе фотку в простой деревянной рамке. Наша с ним общая.

Беру в руки, рассматриваю. Мне тут лет шестнадцать, может, семнадцать.

Мы в бассейне. Я сижу у него на плечах, сжимая в руке водяной пистолет. Он держит меня за голые ноги, его пальцы впиваются в мою кожу. Мы тогда зарубились с Киром, я проигрывала, а Тимур подхватил меня и сказал: «Сейчас отыграемся, принцесса». Кир с бортика кричал, что двое на одного — нечестно. Я помню этот день. Помню смех, брыз-

ги, как солнце слепило глаза.

Но фотка... Фотка странная. Изначально кадр точно был шире, нас было видно всех. Трех. Но эта обрезана. На ней только мы двое. И мы на ней смеёмся. Искренне.

Кладу рамку на место. Руки слегка дрожат.

Продолжаю пылесосить. В конце подхожу к кровати,правляю покрывало и взбиваю подушки. Одна подушка не встаёт нормально — что-то мешает под ней.

Отодвигаю покрывало и одеяло, заглядываю под неё.

А там мой свитер.

Тот самый. Зелёный. Тот, в котором я пришла домой в первый вечер. Он лежал прямо под его подушкой.

Это что за фигня вообще?!

Я замираю. В голове пульсирует одна мысль: он спал с ним.

Забираю свитер. Прижимаю к груди, как улику, и быстро уношу к себе в комнату. Возвращаясь, быстро осматриваю его спальню. Больше странностей не нахожу.

Фото и свитер не дают мне покоя. Всё его поведение не даёт мне покоя. Или я схожу с ума.

После обеда сажусь за диплом. Пытаюсь утопить мысли в текстах и графиках. Не замечаю, как летит время, пока мама не зовёт ужинать.

Спускаюсь. Он уже за столом. Сидит, крутит в пальцах бокал с вином. Я не смотрю на него. Ни разу. Ем быстро, механически. И ухожу наверх под предлогом «горящего дед-

лайн по диплому».

Едва сажусь за ноут, звонит Никита.

— Ксюш, выйдешь побесить твоего недобрата? — его голос бодрый. — Просто посидим полчасика в машине, выпьем кофе.

— Давай, — соглашаюсь я. — Через сколько?

— Минут через десять буду.

— Ок, договорились.

Решаю взбодрить этого придурка. Пусть очканёт немного. Пусть поймёт, что не нужно трогать мои вещи.

Спускаюсь вниз. Они с мамой пьют чай на кухне.

— О, всё-таки решила выпить с нами чаю? — спрашивает мама, радуясь.

— Нет, мамуль, Никита сейчас подъезжает, мой любимый кофе везёт. Сказал, что хоть на пять минуточек хочет увидеться, я выйду к нему ненадолго.

— Ммм, какой милый, — хвалит его мама, расплываясь в улыбке.

Я делаю вид, что что-то резко вспомнила.

— Мамуль, я что-то не могу свитер свой зелёный найти. Мне показалось, или ты его сегодня в стирку забирала? Он вроде был чистый.

Бам.

Тимур напрягается всем телом. Я вижу, как он замирает, как его пальцы на кружке белеют.

Получи, фетишист грёбаный. Вещи ещё мои будешь тас-

кать.

Мама задумывается:

— Не припомню его в стирке.

— Точно? Не могу найти нигде.

— Я поищу попозже, хорошо?

— Спасибо, мамуль.

Накидываю куртку, обуваю мамины смешные овчинные тапки и выхожу на улицу, бросив на прощание взгляд на Тимура. Он смотрит на меня так, будто хочет прожечь дыру в моей спине.

Никита уже ждёт, мотор тихо урчит.

Сажусь в машину, выдыхая морозный воздух.

— Привет, мой фиктивный парень, — здороваюсь я.

— Привет, Ксюш, — он кивает на подстаканник. — Кофе.

— Мерси, вы очень любезны.

— Ну чего? Есть прогресс? Подуспокоился твой недо-брат?

— Никит, тебе честно или как?

— Честно, конечно.

— Есть регресс... — я закрываю лицо руками. — Он мой свитер спёр. Я его под его подушкой нашла. И ещё... хотя не важно. Это меня взбесило больше всего.

Никита хмыкает.

— Чистый из шкафа или ношенный?

— Ношенный. Тот, в котором я весь день ходила.

— Печально... — протягивает он.

— Чего печального?

— На нём твой запах. А для мужиков запах — это такая вещь... ммм... это триггер.

Я вздрагиваю, чувствуя, как по спине бежит холодок.

— Только не говори, что он... Боже, нет... Пожалуйста... пусть это будет просто kleптомания... или что-то в этом роде.

— Не утверждаю, Ксюш, — он усмехается, бросая на меня взгляд. — Но может быть. И пахнешь ты, кстати, кайфово. Мне тоже нравится. Очень. Так бы и съел. Всю.

— Никита, фу... — морщусь я.

— Ксюш, я не собака, не понимаю таких команд, — смеётся, и напряжение в машине спадает.

Поболтав ещё минут пятнадцать, я возвращаюсь домой. В доме тишина. Сажусь за ноут, пытаюсь сосредоточиться на дипломе.

Через пять минут — стук в дверь.

Родители ко мне не стучатся. Значит, Тимур.

Встаю, открываю. Он стоит в проёме, заполняя собой всё пространство. Лицо мрачное, глаза тёмные, волосы слегка растрёпаны, как будто только что провёл по ним рукой.

— Ты нашла свитер? — сразу к делу, голос глухой.

— Нет, мама же обещала поискать, — я опираюсь плечом о косяк, скрещивая руки на груди.

— Я не про это... — он делает шаг ближе. — Принцесса, не придуривайся.

— Чего? Тимур, ты о чём? — делаю я максимально непонимающее лицо, хлопая ресницами.

— Где и когда ты видела его в последний раз? — он смотрит внимательно, сверля меня взглядом.

— Ммм... вчера или нет, позавчера... в гардеробной. Я на свидание спешила, бросила вроде там...

— И сегодня ты его не видела? Нигде? — он не отводит глаз.

— Тимур, ты в детектива решил поиграть? Дело о пропавшем свитере? — я закатываю глаза. — Я занята. Иди ищи сам, если хочешь, мне некогда. А вообще мама найдёт быстрее. Можешь не заморачиваться.

Пытаюсь прикрыть дверь. Но он ставит руку на косяк, не давая захлопнуть.

— Принцесса... — он наклоняется ближе, его лицо очень близко от моего. Я чувствую запах его парфюма. — Если ты мне сейчас соврала...

Он щурит свои чёрные, бездонные глазищи. Голос тихий. Опасный.

— Я, в отличие от некоторых, никогда не вру, — говорю я твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — Руку убрал.

Он смотрит на мои губы, потом снова в глаза. Медленно убирает руку.

Я захопываю дверь. Щёлчок замка.

Съезжаю спиной по двери на пол, обхватывая колени.

Соврала... А что он мне сделает? Что он вообще собира-

ется делать со всем этим?

Глава 5

Ксюша

Свитер я в итоге запрятала так, что его теперь не найдёт никто. Ни он, ни мама, ни даже поисковая служба с обученными собаками. Я засунула его в самую дальнюю коробку из-под зимних ботинок на верхней полке гардеробной, завалив сверху старыми шарфами и шапками. Сердце при этом колотилось так, будто я прячу не кусок вязаной шерсти, а улику с места преступления.

Перед сном я, как психопатка, проверила замок. Щёлкнула язычком. Потом схватила тяжёлое компьютерное кресло на колёсиках и с кряхтением подкатила его вплотную к дверной ручке. Я смотрела на это сооружение и понимала, что похожа на параноика. На ту самую дурочку из триллера, которая скоро начнёт слышать голоса. Но после той ночи и его рук на моих бёдрах мне было плевать на всё. Безопасность превыше всего.

Завтра суббота. Засыпая, я с надеждой думала, что этого мудака днём не будет дома. Пусть едет к чёрту, в свой офис, в спортзал, по бабам, куда угодно.

Но когда спускаюсь на завтрак, в домашнем костюме, с заспанными глазами, выясняю, что в огромном доме мы с ним вдвоём.

— А где все? — спрашиваю, даже не здороваясь. Опираюсь бедром о кухонный остров.

— И тебе доброе утро, принцесса, — протягивает он в ответ. Стоит у плиты, в чёрных спортивных штанах и облегающей серой футболке. Наливает себе кофе.

— Так и? — переминаюсь с ноги на ногу.

— В гости уехали с ночёвкой. Сказали хозяйничать тут самим.

Точно. Мама же вчера за ужином тараторила, что у папиного партнёра юбилей, отмечают за городом, в каком-то новомодном эко-отеле.

Первый порыв — развернуться, уйти обратно наверх, одеться и уехать куда-нибудь, вернуться попозже. Но потом торможу себя. Какого хрена? Я здесь живу. Это мой дом. А он в гостях. Я не собираюсь прятаться в своей комнате, как мышь.

— Яичницу будешь? — бросает он через плечо.

— Нет.

Делаю себе завтрак. Овсянка на миндальном молоке с орехами и ягодами, чёрный кофе и маленькая пиалка с молочным шоколадом.

Это тестостероновое чудище тем временем жрёт яичницу. Штук пять яиц, гора жирного бекона, тосты, намазанные маслом. Жир с бекона так и капает на раскалённую сковороду, шкварчит, плюётся. Я смотрю на это и морщусь. Бе-е-е. Животная пища для животного мужчины.

Едим молча. Тишина звенит, гудит в ушах. Яковыряю ложкой овсянку, он работает вилкой с пугающей скоростью и аппетитом.

— Принцесса, можно братский совет? — нарушает тишину он, не отрываясь от тарелки.

— Нет, — отрезаю я. — Тем более ты мне не брат.

— Тогда не совет, а просто факт. Делай с этой информацией что хочешь. — Он наконец поднимает на меня глаза. Тяжёлые, тёмные. — Твой парень тот ещё бабник. Поматросит и бросит.

Я медленно отставляю чашку с кофе. Смотрю на него.

— Ммм, прекрасно. Видимо, мы всё-таки немного родственники с тобой...

Он вопросительно изгибает бровь, жуя бекон.

— Вкус хуёвый у нас, что у тебя, что у меня, — произношу я ровным, ледяным тоном. — Тебе нравятся шлюхи, а мне бабники. Забавно, да? Типа такая семейная традиция.

Вижу, как он давится воздухом. Кладёт вилку на стол так, что звенит фарфор.

— Ксюнь, тебе правда не идёт... — начинает он низко, предупреждая.

— Тимур, я уже говорила, могу повторить, — перебиваю, вставая и собирая свою посуду. — Мне абсолютно по-хуй. И в мою жизнь не лезь. Скажешь хоть одно плохое слово про Никиту родителям, я всё Киру расскажу. Всё. До последней буквы.

Вижу, как начинают раздуваться его ноздри. Челюсти сжимаются так, что ходуном ходят желваки. Кажется, я даже слышу скрежет зубов. Он смотрит на меня так, что мне на секунду становится не по себе. Но я не отвожу взгляд. Пусть знает, у кого в руках ядерная кнопка.

Встаю, уношу посуду в посудомойку и ухожу, даже не посмотрев на него больше.

Нужно валить отсюда. Целый день с ним в одном доме проводить не хочу. Задохнусь в этой напряжённой атмосфере.

Собираюсь на пилатес. Спускаюсь вниз со спортивной сумкой в руках.

— Ты куда? — спрашивает Тимур. Он уже в гостиной, развалился на диване, перещёлкивает каналы по телевизору.

— По делам. Хозяйничай тут сам.

— Когда вернёшься?

Останавливаюсь. Поворачиваюсь.

— Тимур, у меня даже родители уже такое не спрашивают. Тебе я точно отчитываться не буду.

Разворачиваюсь и выхожу. Хлопать дверью не стану — это было бы слишком по-детски. Но уезжаю с чувством глубокого удовлетворения.

После тренировки, пока сижу в раздевалке, звоню Насте. Она на работе до вечера. Никита не берёт трубку, потом перезванивает: «Помогаю другу с переездом, освобожусь не знаю когда, прости, котёнок».

Звоню Киру. — О, Ксюнь! — радостно гудит он в трубку. — Приезжай, Тимур тоже уже едет. Посидим все вместе, креселок пожарим, как ты любишь. Вина откроем.

Да, блин... Именно этого мне сейчас не хватало.

— Ой, Кир, — начинаю врать, закатывая глаза к потолку, — мне парень звонит. Если он освободился, то, наверное, не приеду. Понимаешь, у него сегодня... день тяжёлый. Хочу побыть с ним.

— Так приезжайте вместе! — предлагает Кир с энтузиазмом. — Познакомимся!

— Я... я перезвоню, Кир.

Откладываю телефон. Сажу в машине на парковке фитнес-клуба, туплю в руль. И чего делать? Если Тимур едет к Киру, значит, дома его нет.

Посидев ещё минут десять, завожу машину и еду домой.

Заезжаю во двор. Машины Тимура нет. Чёрный внедорожник отсутствует. Класс. Можно выдохнуть спокойно.

Захожу домой. В тишине дом кажется огромным и уютным. Переодеваюсь в домашнее, нарезаю себе большую миску фруктов — манго, киви, маракуйя — и заваливаюсь в гостиной на диван смотреть новый сериал, который все рекомендуют. Включаю на всю, наслаждаюсь свободой.

Проходит минут пять, может десять. Слышу, как открывается и закрывается тяжёлая входная дверь. Звук шагов в прихожей.

Какого фига?

Тимур быстро заходит в гостиную. Прямо в куртке. Останавливается. Осматривает комнату, как будто ищет кого-то, кроме меня. Потом переводит взгляд на меня. Сканирует с ног до головы: мои голые ступни, костюм, футболку, миску с фруктами. Выдыхает через нос.

— Ты чего тут делаешь? — не выдерживаю я. — Ты же к Киру должен был ехать.

Он трёт переносицу, сбрасывая куртку на подлокотник кресла.

— Передумал.

— Придурок, — бубню себе под нос, не отрываясь от экрана. — Ни себе, ни людям. Я из-за тебя от любимых креветок отказалась...

Он что-то мычит, но не отвечает. Выключаю телек, беру тарелку с дивана.

— Ты куда, принцесса? Давай вместе посмотрим. — Он садится на диван, похлопывая рукой рядом.

— Ага, шас. Размечтался.

Разворачиваюсь и ухожу. Поднимаюсь на второй этаж, захожу в свою комнату, закрываю дверь на замок. Щёлчок. Чего вернулся, спрашивается?

Включаю этот же сериал на ноуте, надеваю наушники.

После шести в дверь стучат. Негромко, но настойчиво. — Принцесса, давай ужинать.

— Сам ешь, я не хочу, — вру я, не снимая наушников.

— Я уже всё нагрел и накрыл на двоих, — его голос слы-

шен даже сквозь дверь.

— Как накрыл, так и уберёшь.

— Ксюнь, не вредничай, пошли.

Смотрю сериал, не отвечаю. Делаю вид, что меня нет. Через пару минут замок щёлкает. Дверь открывается.

Тимур заходит с большим деревянным подносом. Ставит его на письменный стол.

— Ешь, — бросает он и уходит.

Я снимаю наушники. Подхожу к столу. На подносе идеальная тарелка: стейк из сёмги, рассыпчатый рис, овощи гриль. Рядом — приборы, салфетки и высокий стакан свежавыжатого сока. Грейпфрутовый. Мой любимый. Кислый, с лёгкой горчинкой.

Беру поднос, несу на кровать. Ем, не отвлекаясь от сериала. Вкусно. Чёртовски вкусно. Мама готовила, это я понимаю по подаче. Он просто подогрел и собрал тарелку. Но то, что он помнит про грейпфрутовый сок... это... это бесит.

После ужина спускаюсь вниз. Тимура нет. В гостиной и на кухне везде чисто. Посуда аккуратно расставлена в посудомойке. Загружаю свою, включаю, поднимаюсь наверх.

Дверь в его комнату открыта. Мне хорошо слышно его голос. Он говорит по телефону.

— Да, нормально. Одна была. Сейчас сериал смотрит, — пауза. — Я присмотрю, Кир. Давай.

Я замираю на лестнице. Захожу к себе, тихо закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной. Это он вернулся, что-

бы меня контролировать? «Одна...» Думал, я Никиту домой притащу? Вот кого он искал, когда вернулся и сканировал гостиную глазами?

Придурок. Душнила. Можно подумать, кроме моего дома нигде больше уединиться при желании. Он считает, что имеет право вот так, на правах «старшего брата», устраивать мне облавы?

Никита звонит после восьми. — Ксюш, я освободился, нужно приехать? — голос уставший, хриплый.

— Ты же устал, наверное.

— Есть немного. Грузчиком целый день считай отпахал. Спина, кажется, в шоке, хрустит при каждом повороте. Руки просто отваливаются нахрен.

— Тогда отдыхай. Ванну прими, с английской солью, чтобы мышцы расслабились. Мне ничего не нужно, я дома, всё тихо.

— Всё нормально, Ксюш? С недобратом?

— Пойдёт, — усмехаюсь я.

— Ладно. Тогда жди сюрприз через доставку и отдыхай. Пока, котёнок.

Через час в домофон звонят. Курьер передаёт мне большой пакет. Открываю на кухне. Внутри — коробка с клубникой в шоколаде. Крупная, сочная, в идеальной глазури. А рядом лежит мягкий, плюшевый кот. Не мишка, не заяц, а именно кот. С большими зелёными глазами-пуговицами. Потому что он называет меня «Коть» или «котёнок». Это

мило, начинаю улыбаться такому вниманию от фиктивного парня.

— Боже, какая банальщина, — раздаётся за спиной.

Я вздрагиваю. Оборачиваюсь. Тимур стоит в проёме кухни. Смотрит на коробку, на клубнику, на кота. Лицо каменное, но взгляд злой.

Не обращаю внимания. Демонстративно поворачиваюсь к холодильнику. Убираю клубнику на полку, кота забираю подмышку, прижимаю к себе. Прохожу мимо Тимура, задевая его плечом. Он не двигается, но я чувствую, как напрягается его тело.

— Спокойной ночи, принцесса, — бросает мне, поднимаясь по лестнице следом за мной.

Перед сном проверяю дверь. Замок. Хотя практика показывает, что он ему совсем не мешает. Поэтому подкатываю кресло. Точно так же, как вчера. Обнимаю плюшевого кота, утыкаюсь носом в его плюшевую, мягкую шерсть. Засыпаю быстро, потому что сил на эмоции больше не осталось.

Глава 6

Тимур

Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Хрен бы я поверил в эту народную мудрость, если бы не моя собственная жизнь. Видимо, у Вселенной на меня свои виды, а чувство юмора у неё, мягко говоря, специфическое.

У отца обнаружили опухоль. Слово «рак» звучит почти как приговор, но врачи, слава богу, обнадёжили. Лечение возможно, прогнозы хорошие. Но только в Израиле. Там, где медицина на уровень выше, чем у нас. Родители, недолго думая, экстренно продали дом и улетели. Всё, что можно было продать быстро, ушло в топку ради одного шанса. А я... я вернулся домой. В город, где головная компания, — заменить отца. Моё принудительное изгнание, длиной в два с лишним года, внезапно закончилось.

И тут, как вишенка на этом невкусном торте, крёстная предложила: «Тимур, живи у нас, пока не определишься с жильём». Согласился не раздумывая. Мне не нужно жильё. Мне нужно решить проблему с моей принцессой. Иначе я просто задохнусь.

Веду машину по знакомым улицам, воспоминания накаывают, как цунами. Бьют под дых, вытаскивая из памяти то, от чего внутри одновременно и тепло, и до боли тошно. Всё

у нас с Ксюшей пошло через одно место.

Я знаю её с пелёнок. В прямом, сука, смысле этого слова. Мне было одиннадцать, когда она родилась. Помню этот розовый свёрток. Все умилялись, а я стоял и думал: «Какая маленькая». Уже через пару месяцев я был готов порвать любого, кто косо на неё посмотрит. Такая хорошенькая, что глаз не отвести. И сейчас, чёрт возьми, хорошенькая. Только по-другому. От одного вида у меня перехватывает дыхание, а в паху предательски тяжелеет.

На её первый годик на ней было какое-то невероятное кружевное платье и резиночка с крохотной короной. Я тогда впервые подумал: «Ну всё, принцесса». Прозвище прилипло намертво. И ей идёт.

Баловали её все. Нам с Киrom очень часто доставалось следить за ней. А она была ещё та шкода. На дерево полезет — свалится, лужу перепрыгнет — сама же и шлёпнется. Доставалось нам обоим знатно.

Пока она не подросла, я реально любил её как сестру. Как родную. Готов был рвать глотки любому, кто её обидит, оберегать, баловать.

А потом... Потом она выросла. И пошло-поехало. Она стала очень красивой девушкой. Резко. В один миг. Я даже не понял, как это произошло. Просто в один день на крыльцо их дома вышла не моя маленькая принцесса с косичками, а ослепительная, чертовски притягательная девушка. И внутри всё сжалось в тугой узел.

Но хуже всего было то, что я начал засматриваться. Как мужик. Я себя тогда просто жрал поедом, думал, что конечный извращенец. Я же, сука, менял ей памперсы! Я же сажал её на горшок и даже купал пару раз! Как можно? Мы же вместе выросли, почти родные. Чтобы не наделать делов, стал ездить к ним только с кем-нибудь. С коллегой, с подругой, с любой случайной девушкой. Чтобы показать — и себе, и им, — что я нормальный. Вроде помогало.

А Ксюша... Ксюша тоже изменилась. Перестала при встрече напрыгивать на меня, как обезьянка, виснуть на шее. Перестала садиться на колени, обнимать за плечи, дурачиться. С Киром она была прежней, а между нами выросла невидимая, но чертовски плотная стена. И иногда... иногда я ловил на себе её взгляды. Тяжёлые, странные, от которых у меня по спине мурашки шли, а в паху предательски тянуло.

Переломный момент. День рождения Кира. Собрались у них, семейный формат, жара, улица, шашлык, пиво, бассейн. Увидел её в купальнике и понял, что попал. Попал по-крупному. Так сильно хотелось прикоснуться, провести ладонью по её мокрой спине, что пальцы дрожали. А вокруг куча людей, родители, Кир...

Решение пришло само. Они с Киром устроили перестрелку из водяных пистолетов. Ксюша проигрывала, визжала, убегала к бортику. Я не выдержал, поднырнул прямо под неё и подхватил на плечи. Держал крепко, чувствуя, как её мокрые, скользкие ноги обнимают мою шею, как она смеётся,

брызгая водой. Родители тогда сфоткали нас. Мы на фото улыбаемся, счастливые, мокрые, живые. Эту фотографию я храню до сих пор.

На её восемнадцатилетие меня переклинило. Чёрт дёрнул признаться отцу. Думал, он поймёт.

— Ты спятил? — рычал он тогда в кабинете. — Даже не думай! Ты испортишь не только девочку, но и отношения между нашими семьями! Ты ей не подходишь, Тимур!

Он был категоричен и, что самое обидное, не верил в искренность моих чувств. Считал, что это просто «кризис» или мужская охота на запретный плод.

Я тогда, молодой и горячий, нажрался со злости и совершил, наверное, самую тупую ошибку в жизни. Притащил на её праздник стриптизёршу. Заплатил бабки, чтобы та отыгрывала перед всеми невероятную, всепоглощающую любовь ко мне. Отыграла... Пиздец. Всей семьёй до сих пор вспоминают с содроганием. Но я смотрел не на стриптизёршу. Я смотрел на Ксюшу. Она сидела бледная, сжав губы, а в её глазах было столько боли, что мне самому выть хотелось. Я не смог это вытерпеть. Ушёл рано, прихватив с собой стриптизёршу. Дома отец устроил разнос. Ругались по-взрослому, по-мужски. Он разложил мои чувства по полочкам так хладнокровно и жёстко, привёл столько фактов, что я сам поверил: я её просто недостоин. Я — эгоист. А потом меня «перевели» в другой город. Переезд. Ссылка. Кажется, отец сделал это специально, чтобы увести меня подальше от греха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.